

*А.С. Макаренко
(1938)*

Киевский адрес Макаренко

А. Абаринов

А.А. Абаринов

*Тезисы к выступлению на Международной
научно-практической конференции в ИУИС¹, посвящённой
130-ой годовщине со дня рождения А.С. Макаренко,
13 марта 2018*

1.

7 апреля 1935 года ЦИК и СНК СССР издали закон «О привлечении к уголовному суду с применением всех мер уголовного наказания для н/л, начиная с 12-летнего возраста и старше, уличённых в совершении краж, в причинении насилия, телесных повреждений, увечий, в убийстве или попытке к убийству». 31 мая 1935 г. Совнарком и ЦК ВКП(б) приняли постановление о ликвидации детской беспризорности и безнадзорности. Вышел приказ от 7.06.1935 г. № 071 НКВД СССР, которым определён порядок применения этих документов в органах и образованы Отделы трудколоний.

На Украине внимание к проблемам борьбы с беспризорностью и безнадзорностью было особенное – благодаря обращению в январе 1935 г. А.С. Макаренко к М. Горькому, в котором он правдиво рассказал о катастрофическом положении дел во вверенных ему учреждениях. Реакция Горького была жёсткой; в повестку дня заседания Политбюро ЦК КП(б)У от 7 апреля 1935 г. включён пункт «О детских колониях им. Петровского и им. Горького» – прецедента ранее и вплоть до середины 80-х годов не было. Одним из докладчиков по этому вопросу был сам Постышев. Заметим, что это произошло до принятия упомянутых выше союзных документов о ликвидации детской беспризорности и безнадзорности.

2.

В Киеве, в структуре Отдела ТК НКВД УССР было создано пять отделений – организационное, учебно-воспитательное, производственное, ФПО, отделение снабжения и сбыта. Структура Отдела таким образом полностью копировала ОТК НКВД Союза ССР. Это было нарушением; в соответствии с Приказом 071 в НКВД союзных республик должно было быть только 3 отделения. Однако то, что структурой, а, следовательно, и комплектацией ОТК, занимался лично нарком В.А. Балицкий – только он мог ввести в структуру

¹ ИУИС – Институт уголовно-исполнительной службы

ОТК НКВД УССР дополнительные должности, объясняет многое. Только Нарком мог санкционировать принятие в штат центрального аппарата НКВД на должность среднего начсостава А.С. Макаренко – беспартийного 47 лет, холостого, у которого гражданская жена, к тому же – из польских дворян, бывшая из партии большевиков в 1933 г.; его родной брат Виталий – офицер царской, позже белой армии, деникинец, бежавший за рубеж и проживающий во Франции... Все эти факты Макаренко не скрывает при заполнении «Анкеты специального назначения работника НКВД» 19 ноября 1935 г. Вспомним, что это происходит в период появления в советском обществе разнообразных „врагов“ – после убийства С.М. Кирова. Даже по одному из перечисленных признаков Макаренко не мог быть принят в центральный аппарат НКВД. Тем не менее, 1.07.1935 г. Макаренко назначен приказом Наркома на должность помощника начальника Отдела – начальника учебно-воспитательного отделения. Не последнюю роль, конечно, сыграло и решение высшего органа партийной власти Украины, принятое после обращения Макаренко в адрес Горького.

3.

Вышеизложенным также объясняется тот факт, что Макаренко уже спустя три недели после приезда в Киев получает квартиру: 19 июля Г.С. Салько пишет своему сыну Льву, студенту Московского института, что семья „в прекрасном месте получила квартиру: три комнаты, отдельная квартира“. Речь идёт о квартире № 21, площадью 53 кв.м., на последнем этаже в доме НКВД возле Владимирского собора, на улице Леонтовича, 6, построенного в 1934 году (современный адрес – Леонтовича, дом ба, кв.22).

Документального свидетельства о моменте вселения не имеется, но, судя по соответствующим пометкам на полях рукописи 3-ей части «Педагогической поэмы», Макаренко писал главы «Гопак» и «Преображение» между 30 июля и 17 августа 1935 г. или в своём служебном кабинете – до и после, но не во время работы – или в одном из парков г. Киева. Пометка „дома“ на полях рукописи впервые появляется 18 августа.

Из этого можно сделать вывод, что семья въехала в квартиру по улице Леонтовича в середине августа.

4.

Свой переезд в Киев сам А.С. Макаренко расценивал исключительно как, во-первых, возможность спокойно закончить «Поэму» – ритм коммунарской жизни не позволял это, и, во-вторых, как трамплин для переезда в Москву. Вряд ли он делился этим с Наркомом, но об этом свидетельствует его переписка с Горьким, контакты с редакторами московских журналов, письма Галины Стахиевны к сыну. Так 31 августа 1935 года Галина Стахиевна отправляет письмо сыну с нового киевского адреса: „Мы по-старому живём, чувствуем себя временно живущими в Киеве, и поэтому нет ощущения уюта и покоя. Мне уже так хочется жить, зная, что это надолго. Надоело вечное ощущение, что жизнь временная“. Сын присоединится к ним уже в Москве, а в Киеве в квартире на Леонтовича вместе с Макаренко оставалась племянница Олимпиада, 1920 г.р.

5.

Новоиспечённые киевляне вскоре наняли домработницу Оксану, которая, однако, больше разбиралась в музыке, чем в стряпне. С ней Галина Стахивна вела дискуссии о творчестве Шляпина и Бетховена; это не принесло хозяйке ожидаемого облегчения – желанием Г.С. Салько было перевезти из Харькова свою любимую кухарку Марфушу (Марфа Петровна). Об этом идёт речь в письме к сыну от 31 августа 1935 г.: „У меня есть уже работница, но она меня не удовлетворяет. Я всё-таки скучаю без своей Марфы, к которой привыкла, а для меня это в выборе работницы играет большую роль. Написала мне Марфуша, что может приехать, [но] что-то у неё там переменялось. Пока не знаю, жду ответа на свою ноту. Но хорошо уже то, что мне не приходится самой готовить обед, а так, в остальном, так как работница приходящая, то возни хватает“. С учётом того, что все реплики по этому поводу были выслушаны и воплощены в жизнь А.С. Макаренко, 9 сентября Галина Стахивна пишет: „... вчера приехала наша Марфуша из Харькова, и я вздохнула свободно“. Марфуша поселилась на кухне; планировка просторной квартиры – так считала Галина Стахивна, это позволяла.

Вообще вопрос о домработницах чрезвычайно актуален для Галины Стахивны. 13 апреля 1936 г. она пишет сыну: „У меня намечалась возможность взять вторую работницу ...“. Тогда же, по всей вероятности, семья наняла «Олю-немку», молодую девушку, которая в 1937 году, как и Марфуша, поехала с семьёй Макаренко в Москву. Обе фигурируют в записных книжках педагога-писателя; например, там, где речь идёт о том, что женщины в кухне при активном участии хозяйки приступили к пению „українських пісень“; ждущий тем временем обед Макаренко с юмором называет арии на кухне – «контрреволюционная националистическая акция».

Домработницы помогали Галине Стахивне, не отличавшейся крепким здоровьем, в закупке и доставке продуктов, приготовлении обедов и т.п. «...меня в Киеве страшно угнетает пятый этаж без лифта, мне очень трудно карабкаться на этажи», – писала Г.С. Макаренко. Для её мужа-сердечника это тоже было тяжким испытанием. Лифт в доме на Леонтовича ввели в эксплуатацию только перед войной.

В соответствии с Постановлением ЦИК и СНК СССР от 4.06.1926 г. «О квартирной плате...» Макаренко уплачивали за отдельную квартиру около 70 рублей; это довольно много. Впрочем, А.С. Макаренко помимо денежного довольствия получал в Отделе продовольственный паёк, что особенно в период действия карточной системы (до сентября 1935 года) было существенным подспорьем. Авторские гонорары также были неплохими; достаточно сказать, что Макаренко отказывается в июне 1936 г. от 25000 руб. за сценарий на Киевской кинофабрике, сославшись на занятость; школьный учитель получал в среднем 200 рублей.

6.

Литературная работа остаётся для Макаренко главной; ни дня без строчки – этот лозунг всецело может быть отнесён к педагогу-писателю особенно в период пребывания его в Киеве. В сентябре 1935 года он отправляет на рецен-

зию М. Горькому третью, окончательную часть «Педагогической поэмы». Вот почему бытовые проблемы его не интересуют, а перипетии на работе – в Отделе ТК, раздражают, отвлекая от литературы.

После завершения работы над «Поэмой», опустошённый Макаренко пишет в изобилии ... доклады и справки в Отделе. Светлым пятном стало написание брошюры «Методика организации воспитательного процесса», и – «Книга для родителей», написанная в основном на Леонтовича. Однако командировки и отчёты остаются главным делом.

„Хуже всего то, что литературной работой решительно некогда заниматься. Начал писать учебник истории и дело пошло неплохо, из этой работы тоже вырвали“.

7.

Отношение киевской организации писателей к члену СП с 1934 года Макаренко оставалось неоднозначным. Не исключено, что «квартирный вопрос» повлиял на это: в дом «стройкопа «Ролит» писателей, Ленина 68, на 56 квартир жилой площадью 2403 кв. метра» вселились П. Тычина, М. Рыльский, В. Сосюра, Н. Бажан, А. Корнейчук, А. Малышко, О. Гончар, М. Стельмах, А. Копыленко, Ю. Яновский, И. Микитенко, И. Кочерга, Л. Первомайский, А. Головка, Б. Антоненко-Давидович. Сотни других писателей, стоявшие у истоков новейшей украинской литературы, также претендовали на это жильё. А.С. Макаренко, получивший квартиру на Леонтовича, вызывал пересуды и раздражение в огромной очереди на жильё. Педагога-писателя довольно странно воспринимали и на заседаниях ССПУ – за его некоммуникабельность, как бы теперь сказали, и вообще относились к нему предвзято. Более того, подковёрная борьба, стремление преподнести свои заслуги и умалить значение иных, в ту пору было, как нам кажется, основным в работе донельзя политизированных письменников. Об этом как нельзя лучше свидетельствуют два документа, связанных с подготовкой серии лучших произведений художественной литературы республики к 20-ой годовщине Октябрьской революции. Речь идёт о письмах Союза советских писателей Украины в ЦК КП(б)У: 29 июня 1936 г. ССПУ просит включить в данную серию 23 книги с произведениями украинской, 5 – с произведениями еврейской и 6 – с произведениями русской литературы, в том числе «Как закалялась сталь» Н. Островского и «Педагогическую поэму». ЦК согласилось, но оставило в списке книги 20 украинских, 4 еврейских и 4 русских авторов.

Макаренко и Островского выбросили!

8.

Квартира в доме на Леонтовича, ба позволяет сделать вывод о достаточно комфортных условиях, созданных НКВД для писателя-педагога: три комнаты, две из которых изолированных, с высоким – 3.7 м., потолком, балкон, с которого открывался вид на тогдашний Евбаз и Владимирский собор, огромная кухня. Подъезд круглосуточно охранялся чекистами; для несения охраны было выделено специальное помещение. Нам только в этом году удалось побывать там впервые. В истории макаренковедения эта страница почему-то обойдена вниманием, хотя при советской власти возможность посетить квар-

тиру педагога-писателя была более реальной. Впрочем, не жажда сенсаций двигала нами, не возможность проникнуть в частную жизнь человека, чья педагогика была определяющей для страны в течение более чем полувека. Представить А.С. Макаренко как обывателя, со всеми житейскими проблемами, вовсе не означает унижить или опорочить его как выдающегося педагога или как писателя. Наоборот, по моему глубокому убеждению, дьявол кроется в деталях; именно они, нюансы, позволяют нам сегодня с ещё большим почтением относиться к жизненному пути замечательного человека.

* * *

Георгий Мунблит писал в своих воспоминаниях о Макаренко: «... Решительно, в способах, какими следует прославлять писателей, есть какая-то тайна. И если не знать здесь меры, даже от большого художника может остаться одно только имя.

Было бы очень прискорбно, если бы это случилось с Макаренко. Он ведь не виноват в том, что некоторым его последователям дороги не столько его сочинения и мысли, сколько возможность стать первосвященниками в храме, воздвигнутом в память о нём».

Абаринов Александр,
член Правления Международной макаренковской ассоциации

Размещено на портале Педагогического музея А.С. Макаренко с разрешения автора (2020).